

АВГУСТ И ДЖОНС

правдивые
истории

ДЮДГАРРИ

Правдивые истории

Пип Гарри
Август и Джонс

Издательство «Мелик-Пашаев»

2022

УДК 821.111-053.5
ББК 84(8Авс)6-44

Гарри П.

Август и Джонс / П. Гарри — Издательство «Мелик-Пашаев»,
2022 — (Правдивые истории)

ISBN 978-5-00041-539-9

Семья одиннадцатилетней Джонс Кёрби вынуждена бросить ферму и переехать в Сидней. Девочка скучает по своим альпакам и не может привыкнуть к крошечной городской квартире. И кажется, зрение у неё ухудшается, в детстве она уже потеряла глаз из-за рака. Может, это другая опухоль? Но у Джонс сильный характер, и она готова к трудностям. В новой школе Джонс встречает застенчивого Августа. Он любит книги и помнит множество удивительных фактов, а ещё с удовольствием вяжет. А вот футбол Август не любит, и это большая проблема, потому что его отец, тренер, мечтает сделать из него отличного футбольного игрока. Август и Джонс очень разные, но тем не менее они подружились. Книга с напряжённым сюжетом о преодолении трудностей и становлении характеров будет интересна читателям от 9 лет.

УДК 821.111-053.5
ББК 84(8Авс)6-44

ISBN 978-5-00041-539-9

© Гарри П., 2022
© Издательство «Мелик-
Пашаев», 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Глава пятая	16
Глава шестая	18
Глава седьмая	22
Глава восьмая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пип Гарри Август и Джонс

Copyright © Pip Harry 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Мелик-Пашаев», 2023

*Посвящается Дэйлу, моему лучшему другу,
с которым мы всё делаем вместе*

Глава первая

Джонс

Я в последний раз обошла ферму. Заглянула в пустой сарай, и мой крик «Приве-е-е-т!» отдался эхом от стропил крыши, где жили голуби. Папа уже продал всё оборудование: трактор, квадроцикл, сеялку, сенокосилки. А вместе с ним и инструменты, зерно, перегной и вонючий навоз. Больше ничего не осталось. А скоро и нас тут не будет.

По усеянному пылью и соломой полу проскользнула ящерица. Она остановилась и удивлённо на меня взглянула, словно говоря: «Что, уходишь не попрощавшись?» Я шагнула к ней на цыпочках, но сразу её спугнула, и она сбежала.

Дом тоже ободрали до костей. На кухонном столе не громоздились книжки, не валялись разные поделки. На тумбе не стояли забытые чашки с недопитым чаем, не остывали свежее испечённые по маминому фирменному рецепту булочки. Просевший синий диван, капризный телевизор – всё пропало. И у входа не валялись грязные рабочие ботинки.

Раньше моя комната казалась мне особенной. Волшебной. А теперь – пустой и уродливой, и уже больше не моей.

Я прижала ладони к голой стене, вспоминая, как моя комната выглядела ещё недавно: кучи одежды на полу, незаправленная кровать, мерцающий экран ноутбука, фантики из-под конфет на боковой тумбочке и цепочка муравьёв, пришедших на сладкое; тетради с домашкой, рисунки карандашами и красками, разбросанные повсюду резинки для волос, беговые кроссовки с запутанными шнурками...

Все мои вещи упаковали в коробки, подписанные моим именем «Джонс», и водрузили на грузовую площадку нашего пикапа, поставив их друг на друга, как кубики в тетрисе. На полу комнаты валялись матрас и спальный мешок, в котором я провела последнюю ночь дома. Спалось мне плохо, и я всё думала, не запереться ли внутри, чтобы не пришлось уезжать.

На стене остались четыре клейких кружочка от липучек. Раньше здесь висел постер «Дом там, где мой кот». На нём была нарисована милая кошачья мордочка с носиком в форме сердечка.

К счастью, Ринго – наш персидский длинношёрстный – переезжал в город вместе с нами. Раньше у нас было два кота, но Джордж умер от диабета. Ветеринар объяснил, что бедняга слишком много ел, ну и годы брали своё. А это основные «факторы риска» для такой болезни. Мой папа тоже любит поесть и уже немолодой. Надеюсь, у него смертельный диабет не обнаружат.

Моих альпак, Лулу и Лолу, и козла Генри пришлось продать. Вместе со всеми нашими овцами и курами.

Я предлагала родителям оставить хоть одну курочку, чтобы она несла для нас яйца. Папа ответил, что курочке будет некомфортно в тесной квартире, да и владелец, у которого мы будем её арендовать, вряд ли согласится.

«А девочке одиннадцати лет разве будет комфортно в тесной квартире?» – спросила я тогда.

Папа сделал вид, будто ничего не услышал, и продолжил собирать вещи.

Ему тоже пришлось кое-чем пожертвовать, покидая Коттон. Он отдал своего верного пса Перегрину доброму приятелю Уиллу, с которым нас разделяли ещё три другие фермы. Папа даже расплакался, когда привёз ему Перри, хотя мы уже всё обсудили и согласились, что такому активному псу в городе не понравится. Мы знали, что поступаем правильно, но пережить это ужасно тяжело.

Я нечаянно порвала свой плакат с котом, когда снимала его со стены, и мордочка разделась надвое. Может, и получилось бы склеить половинки скотчем, но я разорвала бумагу на мелкие клочки и бросила в мусорку.

Горло защищало от пыли, и я громко чихнула.

– Будь здорова! – крикнул папа из другой комнаты.

– Готова, Джонс? – спросила мама, заглядывая ко мне. – Пойдём вынесем матрас.

– Давай не будем уезжать, – снова взмолилась я. – Может, в этом году пойдёт дождь.

Погода всегда меняется. И я буду помогать папе на ферме по утрам и после школы.

Мама вздохнула и замерла на пороге.

– Дом уже продали. Землю продали. Мы делали всё, что могли, но важно понимать, когда лучше оставить попытки. Папа получил работу на стройке через дядю Пита, мы подписали бумаги на аренду квартиры и записали тебя в школу в Сиднее. Ты пойдёшь в неё сразу после каникул.

Она проходила по списку, который изначально не хотела составлять. Никто из нас этого не хотел.

Три года засухи не оставили нам выбора. Либо мы продаём ферму, либо остаёмся банкротами. Так папа сказал дяде Питу по телефону. Я всё подслушала, пока пряталась за диваном.

Мы с мамой выволокли матрас из спальни, и уже за дверь я оглянулась на потёртые стены, ковровин в пятнах... Сквозь узкие окна с грязными стёклами были видны кусты малины и земляники, а ещё высохшие грядки, на которых выросло такое огромное количество кабачков, что их все пришлось раздать.

На улице папа выбросил оставшийся мусор в контейнер на краю нашей длинной подъездной дорожки. Тот уже был забит до отказа, и вонючая горка опасно шаталась, угрожая вывалиться за край, будто символ нашей старой жизни, превратившейся в кучу мусора. Родители продали, отдали и пожертвовали большую часть вещей, потому что в квартиру всё никак не поместилось бы. Я была против: мне хотелось оставить при себе хоть что-то родное и знакомое, но к моему мнению не всегда прислушиваются. Так бывает, когда ты ещё ребёнок.

Папа запер входную дверь, и мы остались стоять на веранде, словно потерянный багаж. Ринго висел на мне, как тряпичная кукла. Вокруг стрекотали сороки и жужжали насекомые. Вдали раздавался шум мотоцикла. Папа свой продал, потому что у него не было нужной регистрации, а без неё нельзя ездить по городу. Когда мы катались вместе, я сидела за папой и крепко за него держалась. И сейчас знаю, что буду скучать по рёву мотора и тряске на неровной дороге.

– Ничего не забыли? – спросила мама.

Лицо у неё покраснело и обливалось потом. Я подозревала, что она вот-вот расплачется. Папа покачал головой.

– Нет, дорогая. Мы трижды всё проверили. По пути забросим ключи Грегу.

– Кажется, я не выключила свет в постирочной...

– Пусть горит, Хелен.

Мама закрыла лицо ладонями и всхлипнула. Внутри у меня всё сжалось. Тяжело смотреть, как она плачет.

Папа притянул её к себе. Кёрби жили в Коттоне со дня основания города, не меньше. Мой прапрапрадед переехал сюда из Англии со всей семьёй и вырастил яблоневый сад.

– Не ожидала, что будет так нелегко, – проговорила мама дрожащим голосом.

– Да, – тихо ответил папа, – но мы уже всё решили. Не стоит себя терзать.

Мама кивнула и утёрла слёзы. Она выглядела измождённой после всех этих осмотров дома, аукционов, сборов и бесконечной бюрократии.

– Как обживёмся, всё будет хорошо, мам, – сказала я, и она стиснула меня в объятиях. От её одежды несло резким запахом бытовой химии, которой она обрабатывала кухню и ванны.

– Такая вот я плакса, – всхлипнула мама.

Папа развернул машину, мы погрузили матрасы и оставшиеся сумки, накрыли багаж брезентом и закрепили ремнями.

Ринго терпеть не может переноску, поэтому я завернула его в мягкое полотенце и прижала к груди, чтобы он успокоился, но кот всё равно сопротивлялся, шипел и царапался.

Я втиснулась между мамой и папой на переднем сиденье и потёрла кровавую ранку на пальце. Ринго жалобно мяукал, и сердце у меня сжималось.

– Включим музыку или аудиокнигу? – спросил папа. Он ещё ненадолго задержал машину перед домом, который был уже чужим.

Мы промолчали. Папа завёл тархтящий мотор, проехал под аркой эвкалиптов-призраков и вырулил на главную дорогу. В самый последний раз колёса со скрипом прошли по гравию перед ровным асфальтом, и австралийская овчарка соседей облаяла нас на прощание из-за забора.

* * *

Мы отдали ключи в бюро недвижимости и подъехали к обзорной площадке.

– Взглянем на неё в последний раз, – предложил папа.

Мамино лицо оставалось непроницаемым. Она молчала всю дорогу, но сейчас наконец заговорила:

– На это уйдёт не меньше получаса. Давай не будем всё усложнять, Стив. Просто поедем.

– Прогулка нам не помешает, – возразил папа. – Разомнём ноги, подышим свежим воздухом, попрощаемся с родными местами. Идём, Хелен.

– Я останусь в машине, – отрезала мама. – Почитаю книгу.

– Как хочешь.

Мы с папой пошли без неё, но я до последнего надеялась, что мама передумает. К сожалению, когда я обернулась, по тропе вышагивала только кустарная индейка. Земля тут была неровная и холм крутой, поэтому я старалась смотреть себе под ноги. Правый глаз у меня видит почти идеально, а левый мне удалили ещё в младенчестве, из-за рака, и заменили протезом. То есть глубинное зрение, которое помогает воспринимать объёмное пространство, у меня не очень. А ещё я могу не заметить, если слева что-то мелькнёт.

Кустарники на обочине были сухие и коричневые, изнывающие от жажды, а трава и облетевшие листья хрустели под ногами.

– Здесь давно не хватает мощного, затажного ливня, – сказал папа, словно прочитав мои мысли. – Жалко, конечно. Всего пару лет назад эти места дышали жизнью.

Мы поднялись к серым валунам, покрытым оранжевым лишайником, и нам открылся обширный вид на поля цвета тусклой соломы и редкие стволы эвкалипта на склоне. Пейзаж был всё ещё красивый, но уже не такой, каким я его помнила.

– Ты точно уверен, пап? – спросила я, понимая, что это мой последний шанс его переубедить. – Ты же сам говорил, что никогда не бросишь Коттон ради города.

– Говорил, – признал он. – Но в жизни иногда приходится делать то, чего тебе не хочется, и менять планы. Попробуем найти в переменах какие-то плюсы. Это мы умеем. Ну, пойдём, пока мама без нас не уехала.

– Но мы же будем навещать Коттон? Здесь все наши друзья.

– Разумеется. Он навсегда останется нашим домом, неважно, как далеко нас забросит жизнь.

Под горку шагалось намного быстрее и проще, и мы поспешили к пикапу, во весь голос распевая: «Коттон – всё ещё мой дом».

Глава вторая

Август

На улице холодно, и тонкий футбольный джемпер не спасает от порывистого ветра. Мяч несётся прямо на меня. Я пытаюсь оторваться от соперника, но тот словно ко мне прилип. Ноги увязают в грязи, колено ещё ноет – до этого я не смог принять подачу от нашего капитана Рафферти Брауна и растянулся на земле, как расплющенное насекомое.

– Шевелитесь, ребята! – рявкнул папа, нетерпеливо расхаживая вдоль поля. Он взглянул на меня и покачал головой: – Август, ради бога, не жмись в углу!

Вообще родителям не полагается кричать с рядов. У нас даже табличка есть, на которой это написано. Только мой папа тренер, и ругаться на нас – часть его работы.

На меня он орёт постоянно. Ещё с тех пор, как я вступил в команду для самых маленьких «Аускик». Теперь я в «Кошках Лейн Ков». Здесь играют те, кому ещё не исполнилось двенадцать. Даже после тренировок папа отправляет меня к нам на задний двор или в соседний парк – повторять приёмы вместе с моим старшим братом, Арчером.

В регулярный сезон Австралийской футбольной лиги папа всегда берёт нас с собой на стадион «Сидней Крикет». Я там ужасно мёрзну, а матчи длятся по несколько часов. Мне нравится только перерыв между таймами, когда нас угощают пирогом и лимонадом. Я пробовал брать с собой книжку, но обычно папа её отбирает и заставляет тарашиться на поле. «Вот, учись у профессионалов, – говорит он. – Смотри, как выглядит настоящая командная работа».

– Август! Давай уже! – крикнул папа.

Я устал слушать его вопли и толкнул соседнего игрока плечом, чтобы вырваться вперёд.

Джо Энджей замешкался, но всё же передал мне мяч. Я каким-то чудом не выронил его в грязь и огляделся, но нас окружали только джемперы вражеской команды, красные с чёрным.

– Пинай его, Август! – требовал папа.

Я разнервничался, что сейчас меня оштрафуют за то, как долго я держу мяч в руках¹, и пнул его наугад, надеясь про себя, что кто-нибудь из нашей команды подсуется. Само собой, он попал игроку противника из «Мэнли Бомберс», и тот мощным ударом запустил мяч в сторону ворот, едва ли не через всё поле.

Джо взглянул на меня исподлобья и побежал защищать ворота. Я был слабым звеном в команде – это очевидно. Всё, что я умел, – это быстро бегать. А какой в этом смысл, если у меня не выходит ни принимать, ни подавать?

Папа позвал Оливера со скамьи запасных, чтобы он меня заменил.

Я плюхнулся на сиденье рядом с Рави, больным астмой, хлебнул воды и осмотрел окровавленную коленку. Может, если медик наклеит на неё огромный пластырь, мне разрешат провести остаток матча на скамейке с книжкой в руках?

– Следи за игрой, Август, – прошипел папа, проходя у меня за спиной. – Поддержи своих товарищей.

Мой брат играл на соседнем поле в команде «до пятнадцати». Он легко удерживал мяч и вёл его по полю, а потом забросил в ворота издалека. Арчер ухмыльнулся и смахнул кудри с лица, и другой игрок из команды дал ему пять.

Сегодня они с папой только об этом и будут вспоминать: как Арчер великолепно держался на поле, как Арчер изумительно забил мяч, какие у Арчера шансы попасть в команду развития талантов...

¹ Правила австралийского футбола позволяют держать мяч в руках, но время на это ограничено. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Всё про Арчера, Арчера, Арчера.

* * *

– Можно мне пирога? – спросил я, когда мы с папой шли к машине.

Я прихрамывал в надежде на сочувствие, но он, похоже, этого не заметил.

– Думаешь, ты его заслужил? У тебя всю игру был такой вид, будто ты предпочёл бы торчать в библиотеке.

«Так и есть», – подумал я.

– Тебе вообще хочется попасть в финал?

– Наверное.

Папа вздохнул и всплеснул руками.

– Наверное? Нас ждёт премьер-лига, и дальше мы не продвинемся, если не попадём в двойку лучших команд в нашей категории. Раз уж я выпускаю тебя на поле, ты хоть не веди себя так, словно не хочешь там находиться. С этим-то ты справишься?

– Да. Извини, пап.

Он протянул мне пятьдесят долларов.

– Я буду хотдог с соусом. Арчеру возьми ту еду для кроликов, которая ему так нравится. Ну, ролл с овощами. И не копайся, ладно? Мы будем ждать тебя в машине.

В буфете собралась огромная голодная очередь. Я занял за своими товарищами по команде, Джорджем и Тео. Тео наступал на пятки тем, кто стоял впереди, а потом врал, что это всё Джордж. Мы с ними учимся в одном классе в школе, и они ни на шаг друг от друга не отходят. Наша учительница, мисс Финнеган, даже произносит их имена слитно, как будто это один человек: «*ДжорджиТео*, вы меня слышали?», «*ДжорджиТео*, повторять не буду!», «*ДжорджиТео*, а ну положили это на место!».

Я пытался смешаться с толпой, как добыча в животном мире, которая полагается на камуфляж. Не помогло. Тео обернулся и уставился на меня, и я весь сжался.

– Как думаешь, Август, почему ты такой отстой в футбике? – громко спросил он. – Тем более что брат у тебя сам Арчер Гентинг! В чём дело, не знаешь? Ты в своей семье как паршивая овца?

Я старался не слушать Тео и молился про себя, чтобы очередь двигалась быстрее, но чей-то тренер заказал хотдоги для всей своей команды, и их ещё делали.

Джордж прыснул со смеху, но ничего не сказал, как обычно.

Наши с Джорджем мамы раньше играли в теннис каждую среду. Моя, правда, больше не ходила на корт, а валялась дома на диване, но они всё равно оставались подругами. А свою маму Джордж побаивался больше, чем своего приятеля.

– На твой бросок жалко было смотреть, – добавил Тео. – Чуть не проиграли из-за тебя.

Очередь наконец сдвинулась с места, и я вздохнул с облегчением. Джордж и Тео подошли к стойке и набрали горячих пончиков с джемом. Они прошли мимо меня со стаканами лимонада в руках, и Тео с осуждением покачал головой:

– Не понимаю, зачем ты вообще приходишь на матчи.

«Затем, что выбора у меня нет», – мысленно ответил я. Стоило мне заговорить о том, чтобы бросить футбол, как папа восклицал: «Потерпи ещё сезон, сынок! В тебе пока не проснулась страсть к игре, но это придёт со временем. Мальчишкам без спорта никуда. Без него нам не стать мужчинами. Ты мне потом спасибо скажешь, честное слово».

А ещё, если не буду приходить на футбол, для папы я стану невидимкой. Пока он хоть немного меня замечает. А так я для него полностью исчезну. Он будет смотреть прямо сквозь меня и игнорировать всё, что бы я ни сказал, как он это делает с мамой и моей сестрой Лекси.

Глава третья

Джонс

Мы переехали в Уолстонкрафт, пригород Сиднея. Наша новая квартира номер 6С находилась в жилом комплексе Ширли-Роуд – четырёхэтажном кирпичном здании рядом с железной дорогой. Папа еле втиснул наш пикап в узкое парковочное место. Я открыла окошко, и мне по ушам ударил металлический скрип рельсов. Голова болезненно заныла.

– А поезда ходят по ночам? – спросила я у мамы, но она только пожала плечами.

– Как тут вообще можно поместиться? – проворчал папа, подавая назад, и у нас едва не слетели зеркала заднего вида. – Это явно предназначено для маленьких автомобилей. Городских.

– Мне надо в туалет, – напомнила я, жалея про себя, что не сходила ещё час назад на заправке, где мы остановились попить воды. Мочевой пузырь у меня просто разрывался.

– Мы с Джонс выйдем и осмотримся тут, пока ты паркуешься, – предложила мама.

– Отличная мысль, – согласился папа. – Похоже, это надолго.

– Ты не забудешь Ринго? – спросила я.

Ринго жалобно мяукал всю дорогу, но теперь наконец задремал.

– Само собой, куда же мы без нашего усатого господина?

Мы с мамой подошли ко входу, и она начала перебирать ключи. Я переминалась с ноги на ногу, не находя себе места.

– Почему их так много? – удивлялась мама, вставляя ключи по одному.

– Мам, скорее!

– Не торопи меня!

Она звякнула ключами и попробовала следующий. К счастью, он повернулся в замке.

Обычно я перепрыгивала по две ступеньки за раз, но к этим ещё не привыкла и боялась споткнуться. Поэтому пропустила маму вперёд и пошла за ней, держась за перила. А уже в квартире бросилась к двери в туалет, радуясь, что успела. Бумаги там, естественно, не было, и я обошлась мятой салфеткой из рюкзака.

– Ох, проветрить не помешает, – сказала мама, распахивая окна в квартире.

М-да, здесь пахло смесью искусственной лаванды с антисептиком и варёными овощами – как когда-то в комнате моей бабули Пэт в доме для престарелых «Грин Эйкрс». Её, как и дедули, больше не было с нами. А другие мои дедушка с бабушкой жили в Квинсленде, далеко отсюда. В общем, баловать меня конфетами было некому.

Я вышла из туалета и поморщилась. Мне прямо в нос ударил весь этот букет затхлости.

– Тут воняет.

– Похоже, в квартире давно никто не живёт, – предположила мама.

– В ней кто-то умер?

– Нет! Что за мрачные мысли, Джонс?

Скоро к нам присоединился папа, и я достала Ринго из переноски. Он сонно обошёл комнату, нарезая круги и сердито мяукая, а потом спрятался за занавеской.

– Ему не хватает его корзины и когтеточки, – объяснила я папе. – Кошек сильно тревожат такие большие перемены.

– Как и людей, – буркнула мама себе под нос.

– Сейчас притащу все двадцать две коробки и оба матраса, и найдём его корзину, – пообещал папа. – А пока ему придётся терпеть и привыкать к новому месту, как и всем нам.

Ринго перебежал в ванную и затаился за дверью.

– Проведём торжественный обход? – предложила мама.

Торжественный обход занял ровно три минуты.

Маленькая прихожая. Кухня. Две спальни. Гостиная. Тесная ванная и общая комната для стирки. На ферме у нас уходило минут пятнадцать, чтобы дойти от дома до выгона для скота. Ещё у нас был курятник, небольшой сад с персиками, яблоками и нектаринами и запруда с пресноводными раками.

– На фото квартира выглядела больше, – заметила мама.

– Наверное, из-за широкоугольного объектива. Какая комната моя?

– Выбирай, – сказал мне папа.

В одной спальне окно выходило на соседний балкон. Там кто-то сидел в мужских трусах-боксерах и курил.

Из второй комнаты открывался вид на железнодорожную станцию. Я выбрала её.

– Украшай тут всё, как тебе нравится. Хозяин разрешил нам красить стены, – сообщил папа. – Может, поставим кровать-чердак? Знаешь, такую двухъярусную, с письменным столом внизу. Место сэкономим.

– Звучит здорово, – бодро ответила я, стараясь не унывать.

– Ещё я обратил внимание, что через дорогу от нас пекарня, – добавил папа. – Как насчёт попить чайку, прежде чем браться за коробки? Может, у них там есть ванильные полоски². Или «застывшие сопли», как я люблю их называть.

Он приобнял меня за плечи и поцеловал маму в макушку.

– Скоро будем чувствовать себя как дома, мои хорошие. Обещаю. Посвятим этой квартире больше времени и любви, и она станет совсем другой. Так ведь со всем – со временем от любви всё расцветает.

* * *

Я поднялась на цыпочки на узком балконе при гостиной. Вдалеке едва можно было разобрать малую часть Харбор-Бридж, моста в Сиднее. В рекламе этой квартиры обещали «роскошный вид на город и гавань». Видимо, это он и был. Я плюхнулась на пыльный складной стул, надеясь про себя, что нашему соседу не захочется снова покурить.

Пока мама с папой искали чайник в коробках с кухонной утварью, я наблюдала за мутным, блёклым закатом, растекавшимся по крышам домов. Две флейтовые птицы³ сидели на электропроводе и пели друг для друга.

Зимнее солнце исчезло за городскими зданиями, словно его и не было, и зажглись уличные фонари. Я закрыла глаза, вспоминая закат над пастбищем, подобный золотому пожару. Лимонно-жёлтые, нежно-оранжевые, грейпфрутово-розовые полосы украшали небо.

Мне не хватало моих подруг Тейлор и Ханны. Они бы меня рассмешили, и с ними вонючая квартира и шумная железная дорога уже не казались бы такими ужасными. Тейлор лучше всех в пятом классе играла в нетбол⁴, умела запускать квадрокоптер и редактировать видео, которое он записывал. А брауни у неё получались даже вкуснее, чем в кафе «Крамбл». Ханна всегда смеялась так, будто её распирало от хохота, сочиняла свой роман о волшебных лошадях и могла сыграть на пианино «Лили» Алана Уокера⁵, да так, что пальцы у неё буквально порхали над клавишами.

² Ванильная полоска – австралийский десерт из толстого слоя ванильного заварного крема между двумя прямоугольниками слоёного теста.

³ Австралийские птицы, родственницы сорок.

⁴ Женский вид спорта, схожий с баскетболом.

⁵ Популярный англо-норвежский музыкальный продюсер и диджей.

Мы были лучшими подругами ещё с детского сада, то есть уже целых шесть лет. Интересно, как скоро они забудут о моём существовании? О том, что я вообще ходила в государственную школу Коттона? Будут листать школьный альбом, наткнутся случайно на мою фотографию и задумаются: «Помнишь эту девчонку? Как её там звали? Джейн?»

Я забрала из гостиной свой ноутбук и отправила им сообщение в нашем групповом чате «Ламарамы», но они ничего не ответили. Наверное, устроили пижамную вечеринку. Лакомятся попкорном и вздрагивают каждый раз, когда посумы царапают железную крышу дома Ханны. Представляют, будто это зловещий убийца с металлическими когтями. А потом будут играть в «Уно» до полуночи при свете фонаря, тайком прокрадываясь на кухню за перекусом.

Мне вовсе не хотелось дарить этой квартире своё время и любовь.

Мне хотелось домой.

Глава четвёртая

Август

Я так устал после футбола, что уснул прямо на ковре у обогревателя. Поэтому рука у меня онемела, и я не сразу пришёл в себя, когда открыл глаза. Судя по часам, время уже близилось к вечеру. Похоже, дремал я очень долго.

– Доброе утро, братик, – пошутила Лекси.

Она уютно устроилась на диване и вязала фиолетовую с зелёным шапку, быстро и ритмично щёлкая пластиковыми спицами. Раньше Лекси увлекалась плетением. А ещё до этого вязала крючком. Ей всегда хорошо давалось рукоделие. Я сел на ковре и тяжело вздохнул, разминая затёкшую шею.

– Как футбик? Ну, не считая того, как безупречно Арчер принял мяч и какой изумительный гол он там забил. Про это я уже раз восемь успела послушать.

– Да всё так же.

– Попытки и мучения?

Я кивнул, и она мрачно на меня взглянула.

– И когда ты признаешься папе, что всей душой ненавидишь футбол?

Лекси было уже почти шестнадцать – на четыре с половиной года больше, чем мне. И она никому не позволяла собой командовать. Даже нашим родителям.

– Когда сезон закончится.

– Ты в прошлый раз то же самое говорил.

– Ну да, но сейчас уж точно.

Лекси пожала плечами:

– Ладно, жизнь твоя, братишка. Просто скажу, что на твоём месте не стала бы терпеть больше ни секунды эту беготню за уродливым мячом по грязному полю под крики нашего папы и требования «прилагать больше усилий».

Она бросила в меня клубок шерсти, и тот отскочил от моей головы прямо в руки.

– А сложно это? Научиться вязать? – спросил я, накручивая ярко-зелёную нитку на палец.

– Не особо. Хочешь, покажу?

– А где папа? – встревожился я.

Он бы все мозги мне вынес, если бы увидел, как я занимаюсь вязанием.

– Вырубился и храпит в кабинете.

– Тогда хорошо.

Я сел на диван рядом с Лекси. Она набрала петли и передала мне спицы.

– Сначала вводи в петлю, потом захватывай нитку и вытаскивай, – командовала Лекси, направляя мои пальцы. Они у меня были ещё грязные после футбола, с погрызенными ногтями. – Что хочешь связать?

– Шарфик.

– Отличный выбор. Уже холодает.

Сначала у меня получалось медленно и неуклюже, но несколько рядов и уйму пропущенных петель спустя я начал потихоньку осваивать это искусство.

Я слегка отстранился, оценивая результат. Выглядел он довольно прилично.

– У тебя отлично выходит, – похвалила меня Лекси и улыбнулась.

Мы так увлеклись вязанием, что я не заметил, как папа вошёл в комнату и заглянул мне через плечо.

– Вяжешь, значит?

Я выронил спицы, ощутив острый укол совести, и отодвинул от себя клубок.

– Мне было скучно.

– Раз тебе нечем заняться, пойдём с нами в парк. Будешь практиковаться с Арчером. Бегаешь ты быстро, но в ответственный момент ноги у тебя заплетаются.

Лекси подтолкнула меня локтем, но я не смел возразить отцу. Всё равно он не станет меня слушать и заставит гонять мяч под дождём при свете фонарей в парке. Арчер на моём фоне будет выглядеть как профессионал. Впрочем, я ему для этого и не нужен.

– Надевай ботинки. Ещё успеем час позаниматься до ужина. Или ты предпочёл бы сидеть тут и вязать вместе с сестрой?

Папа вышел из комнаты и крикнул Арчеру, чтобы тот собирался и ждал нас у выхода.

Я всеми фибрами души желал остаться здесь, на диване, в тепле и уюте. Щёлкать себе спицами и работать над своим неказистым шарфиком.

– Скажи ему, – шепнула Лекси.

– Не могу.

– Можешь, Ави.

– Нет, я слабак, – пробормотал я в ответ и поплёлся к себе в комнату, переодеться обратно в спортивную форму.

Да, я слабак, и папа регулярно мне об этом напоминает.

Глава пятая

Джонс

Утром мама продолжила разбирать коробки, а мы с папой пошли на пробежку.

Мы уже устраивали три семейных забега, просто для себя, но я мечтала поучаствовать в настоящем марафоне на сорок два километра или даже сверхмарафоне на все сто. Папе надо будет заняться собой, чтобы ко мне присоединиться. В последнее время он больно много пыхтит и с трудом за мной поспевает.

– Заказник Берри Айленд тут неподалёку, сказал папа. – Хочешь заглянуть?

– Ага, если не будешь отставать, – поддразнила его я.

К заказнику вела улица, круто уходящая вниз, вся в буграх и выбоинах. Я держалась за папой и один раз нечаянно наступила ему на пятки.

– Ой, извини!

– Ай! – вскрикнул папа, потирая лоб. Он врезался в нижнюю ветку дерева, и на нас посыпались мелкие жёлтые листья. Да уж, это скорее походило на бег с препятствиями, чем на приятную пробежку.

В Коттоне мы могли добежать по прямой до окраины города и обратно. Ровно пять километров. Каждую кочку и яму помнили наизусть и никогда не спотыкались. А вот здесь нам всё было незнакомо. В заказнике, к счастью, земля была ровная, поросшая мягкой травой, и меня это, конечно, очень порадовало. Он располагался на небольшом острове, и с материком его соединяла широкая зелёная дорога, проложенная через гавань Сиднея. Тут, на просторе, я бежала более свободно, а не семенила мелкими шажками.

– Нарезем пару кругов и поднимемся обратно по холму? – предложил папа. – А потом сразу в душ.

Он бежал чуть позади, тяжело дыша.

– Можешь чуть медленнее, солнышко? Твой старик не справляется.

Я сбавила темп и побежала дальше, наслаждаясь солёным ветром, бьющим в лицо, и позвякиванием мачт на яхтах. Со всех сторон нас окружал городской и водный пейзаж. Паромы везли своих пассажиров, тяжело пыхтя, лодчки ловко огибали буйки, блестящие белые катера рассекали молочно-зелёную воду.

– А здесь неплохо, – с удивлением признала я.

– Говорят, это один из самых красивых городов на воде, – сказал папа. – Во всём мире.

Уже на втором кругу мы пробежали мимо игровой площадки, когда там остановился фургончик с мороженым. Из него полилась звонкая музыка, и к нему тут же поспешили дети.

– Возьмём рожок? – попросила я.

– Конечно, – с готовностью согласился папа, весь красный и вспотевший. – Шоколадный, с посыпкой. Мы его заслужили.

* * *

Я оступилась, когда поднималась по лестнице в квартиру, и упала, больно ударив ладони. Перед глазами всё непривычно размывалось, больше обычного. Я несколько раз моргнула, но это не помогло.

Папа помог мне подняться, и я отряхнула руки. Вроде ничего не сломала.

– Ты в порядке? Похоже, сильно ударились.

– Всё хорошо, пап. Не переживай.

– Знаю, ты это не любишь.

Мы зашли в квартиру и увидели, что она всё ещё заполнена раскрытыми коробками.

– Как погуляли? – крикнула мама из завалов.

– Отлично! Нашли заказник с отличными дорожками для бега и фургончик с мороженым!

Я быстро приняла освежающий душ и переделалась в джинсовый комбинезон и чистую футболку, которые мама уже аккуратно уложила в моём шкафу. Ещё, пока нас не было, она успела украсить подоконник рождественскими фонариками и посадить мне на подушку моего любимого плюшевого друга – ленивца Лентюшу с длинными пушистыми лапами с липучками на ладошках. Я обожаю ленивцев.

Мама зашла ко мне в комнату и устало опустилась на пол.

– Больше нет сил ничего разбирать и собирать. Пойдём пообедаем.

– Спасибо, что постелила мне кровать и нашла Лентюшу.

– Не за что, милая. Знаешь, папа всё ещё не отошёл от вашей пробежки. Боюсь, придётся тебе найти другого напарника.

– Ага, он слишком медленный.

– Кстати, мы с ним тут поговорили и решили дать тебе недельку освоиться в городе, подготовиться к школе.

Я просияла.

– То есть у меня ещё неделю каникулы?!

– Верно.

– Ух ты!

– Подожди радоваться, – осадил меня мама. – Нам ещё надо взять тебе новую форму в школьном секонд-хенде, закупить всякую канцелярию и разобраться с документами. Ты уже записана к зубному, и ещё хорошо бы сходить к офтальмологу на осмотр.

– Всё будет в порядке, мам. Не волнуйся.

Она каждый раз переживала, когда мы ходили на приём или сдавали анализы. Я давно привыкла к тому, что врачи постоянно ищут у меня в глазах лишние образования, хотя вот уже много лет ничего не находилось.

– Знаю, но не волноваться не могу, – ответила мама. – И мне очень нужна твоя помощь по дому. Здесь надо как следует прибраться, подключить интернет, наполнить холодильник продуктами. Ах да, и хорошо бы купить тебе новую обувь в школу...

Она накрыла голову подушкой и сделала вид, будто кричит от отчаяния.

– Ладно, это всё потом. А сейчас сходим пообедаем. Закажу там самую большую чашку самого крепкого кофе!

Я заглянула в групповой чат перед выходом. Тейлор и Ханна наконец ответили. Прислали мне кучу смайликов и короткое: «Привет, Джонси! Скучаем!» Хотя моё сообщение о новой квартире и городе было довольно длинное и я даже прикрепила фото своей комнаты. Я немного расстроилась, но постаралась не вешать нос. Всё-таки на школьных каникулах все чем-нибудь заняты, и Тейлор говорила, что поедет в спортивный лагерь на последние пару дней перед началом триместра.

Глава шестая

Август

До перерыва на обед оставалось минут пять, и мои одноклассники изнывали от голода, как львы в зоопарке, которые только и ждут, когда им наконец бросят парочку сырых стейков. После каникул все, похоже, немного озверели.

– Пятый «Е», сидите смирно! – потребовала наша учительница, мисс Финнеган. – У меня для вас важная новость. В понедельник к нам приходит новая ученица.

В классе принялись охать и тараторить наперебой.

– Послушайте меня хоть минуту, и я вам о ней расскажу, – добавила учительница.

Мисс Финнеган сидела на краю учительского стола, и кружка с кофе опасно балансировала у неё на бедре. Я дождался, пока все затихнут, и поднял руку.

– Как её зовут, мисс Фэ?

– Джонс. Она из Коттона. Это город в трёхстах километрах от Сиднея. В нём живёт около четырёх тысяч человек. Кто-нибудь из вас там бывал? Последние несколько лет в тех местах ужасная засуха и непривычная жара. Знаете почему?

– Из-за глобального потепления! – выкрикнула Лейла.

– Именно. В городе дефицит воды, то есть её не хватает на всех.

– Мы ездили на ферму рядом с Коттоном, – вмешался Амал, отвлекая мисс Финнеган от темы окружающей среды.

Меня это слегка расстроило, потому что я хотел узнать подробнее о дефиците воды.

– Кормили там кенгуру, – продолжал Амал, – катались на квадроцикле, жарили маршмеллоу на костре. Мой брат поскользнулся на прогулке и вляпался прямо в коровью лепёшку!

Все рассмеялись. Мисс Фэ возвела глаза к небу и сделала щедрый глоток кофе.

– Ещё вы должны иметь в виду, что Джонс плохо видит. В раннем детстве она заболела раком, и ей удалили глаз, чтобы её спасти.

Я опять задрал руку.

– А что за рак?

– Это редкий вид, называется «ретинобластома». По слогам РЕ-ТИ-НО-БЛАС-ТО-МА. Все попробовали повторить новое слово.

– Он возникает в сетчатке, – объяснила мисс Фэ. – Той части глаза, которая воспринимает свет. Некоторым детям с таким заболеванием удаляют поражённый глаз, чтобы избавиться от раковой опухоли, если та слишком быстро и сильно разрастается.

– То есть у неё фальшивый глаз? – спросил Тео.

– Да, но правильно говорить «искусственный». Он может случайно выпасть, но это совершенно безопасно и совсем не больно.

Все начали спорить, кто будет с ней сидеть.

Я бы не отказался попасть в другую школу, чтобы тоже стать «новичком» и начать всё с чистого листа. Не быть тем самым Августом, который описался на музейной экскурсии в первом классе и одолжил старые спортивные штаны у одного из родителей. Тем Августом, который плохо играл в футбол. Августом, с которым никто не хочет вставать в пару, и он сверлит взглядом пол, пока его не заметит учительница.

У Джонс появится так много друзей, что не останется времени на домашку. С ней захотят познакомиться все одновременно.

– Есть идеи, как помочь Джонс влиться в коллектив? – спросила мисс Фэ.

Миллер вскинул руку:

– Могу устроить ей экскурсию по школе!

Он был самым популярным мальчишкой в нашей параллели, и все девчонки были от него без ума. Миллер умел показывать обалденные фокусы и мог собрать кубик Рубика за сорок три секунды. У него даже есть свой канал на Ютубе, называется «Минимаг».

Мне мама сказала, что я смогу завести канал только в тринадцать лет, а до этого ещё ой как далеко.

– Вообще я подумывала попросить об этом Августа, – сказала мисс Фэ.

Все уставились на меня, разинув рты, как будто я только что выиграл миллион долларов в лотерее. В принципе ощущения были похожие.

– Составишь Джонс компанию в её первую неделю в новой школе?

– Конечно! – выпалил я, хотя от радости мой голос больше походил на писк.

– Эй, так нечестно, – пожаловался Миллер. – Куда Август её поведёт? В библиотеку?

– Библиотека – это портал в иные миры, – сказала мисс Финнеган. – Самая важная часть школы. Колыбель чудес, магии и приключений. Правда, Август?

Она мне подмигнула, и я улыбнулся.

Если проведу отличную экскурсию и блесну своими лучшими шутками, Джонс вполне может стать моей подругой.

А друга мне отчаянно не хватало.

* * *

После уроков я пошёл на тренировку по футболу, и домой мы возвращались уже в темноте.

Арчер решил, какую радиостанцию будем слушать. Мне папа никогда не давал выбирать. И переднее сиденье тоже всегда доставалось Арчеру – якобы потому, что он старше и у него ноги длиннее. На самом деле папе больше нравилось болтать с моим братом, а мне он просто не знал, что сказать.

Арчер выбрал тяжёлый рок, и салон наполнился гитарной музыкой. В новостях говорили о звезде футбола с травмой подколенного сухожилия, а в рекламе – о газнокосилках и инструментах. Мне больше нравилась «Фокси-ФМ», но я слушал её исключительно в наушниках. Если бы папа с Арчером узнали, обозвали бы эти песни «девчачьей попсой», а меня – «принцессой» и посоветовали «быть мужиком».

– Сегодня ты неплохо подавал, Ави! – крикнул мне Арчер с переднего сиденья. – В следующий раз крути мяч в обратную сторону, чтобы тебе было удобнее, – добавил он, показывая жестами, как это делается.

Я показал ему большой палец в знак благодарности, хотя на самом деле мне было плевать, в одну сторону крутить этот мяч, или в другую, или между ногами, стоя на голове в костюме курицы.

Арчер повернулся к папе, и снова завязался бесконечный разговор о возможности попасть в команду развития талантов (шансы у Арчера неплохие, если он будет продолжать в том же духе) и о победителях премьер-лиги в этом году (у них в фаворитах было восемь лучших команд).

Папа с Арчером болели за «Сидней Суонс», а маме больше нравились «Кошки Джилонг». Я тоже предпочитал «Кошек», но никому об этом не рассказывал.

– У нас в классе будет новенькая, и я помогу ей освоиться! – поделился я, перекрикивая громкую музыку.

– Что?! – переспросил Арчер.

– Мне поручили помогать девчонке, которая переходит к нам в школу, – объяснил я. – Её зовут Джонс, и она из Коттона, небольшого городка. Он так и называется, что значит «хлопок», а

между прочим, в Австралии каждый год выращивают достаточно хлопка, чтобы одеть пятьсот миллионов человек по всему миру!

Они пропустили этот любопытный факт мимо ушей. Как обычно.

Я уже собирался им сказать, что хлопчатник – пустынное растение, привыкшее к дефициту воды, но папа выкрутил звук радио на полную, и у меня едва перепонки в ушах не лопнули.

– Е-е! – протянул Арчер, хлопая ладонью по колену в ритм барабанов.

– Ладно, не хотите – не слушайте, – пробормотал я и надел наушники. А потом прислонился к стеклу и стал смотреть, как на дороге собирается пробка. Жалко, что даже на полной громкости Тейлор Свифт⁶ не могла заглушить грубый, нестройный дуэт папы с Арчером.

* * *

Мы сняли грязные ботинки, помыли руки и бросили школьные рюкзаки в угол комнаты, а уже после этого побежали на кухню.

На тумбе нас ждали коробки с доставкой еды из «Дома карри», а мама валялась на диване и смотрела телевизор. Она проводила перед ним каждый вечер. Глядела не отрываясь, то в экран, то в свой телефон.

В прошлом году закрылся её магазинчик, и мама очень сильно расстроилась. «Зелёная терапия» предлагала смузи, салаты и товары, которые не вредят окружающей среде, – деревянные зубные щётки, многоразовые чашки, алюминиевые трубочки для питья. Все считали, что это настоящая золотая жила. А потом дальше по улице открылся фастфуд «Угольный Чарли». Больше за салатами и трубочками никто не приходил. Все выстраивались в очередь за острой картошкой фри и бургерами с курицей.

– Можешь не вставать, Николь, – проворчал папа, явно недовольный.

– Мы с Лекси уже поели, – ответила мама. – Разогрейте то, что осталось.

– То есть мы за вами доедаем? – возмутился папа.

Первое время после того, как мама потеряла свой бизнес, он относился к ней с пониманием. А теперь начал говорить о том, что пора бы взять себя в руки и найти другую работу. «Ну и что, если её мечты не сбылись? – восклицал он. – Они у большинства не сбываются!» Мне такой подход совсем не нравился.

Мама поднялась с дивана и крепко меня обняла.

– Как дела в школе, Ави?

– Хорошо.

Арчер теперь считал себя слишком взрослым для нежностей, и вся ласка доставалась мне. А я был и не против.

Мама разобрала наши рюкзаки, бросила обкусанные фрукты и корки от хлеба в компост и сполоснула контейнеры для обеда.

– Пора бы вам самим начать всё это делать, – сказала она нам. – Вы уже не маленькие.

Папа покрутил в руках контейнер с карри и отбросил на мраморную столешницу, повсюду разбрызгав густой красный соус.

– Сколько тебе повторять, что я не ем острое, Николь?

Раньше он называл маму «Ники», а теперь только полным именем.

Папа достал из холодильника пиво, а из шкафчика пакет чипсов со вкусом соли и уксуса.

– Это детям на обед, – сказала мама, кивая на чипсы.

– Очень жаль.

– Карри овощное, не слишком острое. Хотя бы попробуй, Хит.

⁶ Американская певица, автор-исполнитель.

– Нет, спасибо. А ты больше совсем не готовишь?

– Ничего себе! Да я столько всего наготовила для этой семьи, не считаешь! А ты вот уже десять лет на кухню не заходил.

– Вот как? А ты попробуй проводить на работе пятьдесят часов в неделю!

– Да у меня уже тут полная занятость, за вами всё прибирать, – огрызнулась мама.

– А ещё валяться на диване, смотреть бесконечные сериалы и проверять инстаграм, – добавил папа себе под нос.

У меня внутри всё сжималось, когда они ссорились.

Папа открыл упаковку, загрёб горсть чипсов и передал остальное Арчеру. Они сели в гостиной, хрустя и болтая, а мама схватила мобильник и заперлась в своей комнате, хлопнув дверью. Я вздрогнул. Мне было тяжело видеть маму такой грустной.

Я разогрел карри в микроволновке и съел в одиночестве за кухонным столом. Оно оказалось вкусное и ни капли не острое, и я не понимал, зачем папе надо было устраивать сцену.

* * *

Я принял душ, минут двадцать посидел над невыполнимыми задачками по математике и собрался идти спать. Комната Лекси была как раз по пути, и я замешкался. Жалко, что мне до сих пор надо ложиться в половине девятого накануне учебных дней. Был бы я старше, мог бы посидеть подольше. К этому времени ещё даже устать не успеваешь. Я толкнул дверь ногой и заглянул внутрь. В углу стоял обогреватель, наполняя комнату уютным теплом, и на фоне играла тихая, лёгкая мелодия.

– Это ты, Ави? Хочешь зайти? – спросила Лекси.

– Конечно.

Я быстро проскользнул в комнату, и сестра протянула мне весь набор: спицы, начатый шарфик, корзинку разноцветной шерсти. Я решил, что шарф у меня будет радужный. Надену его на следующий матч «Сидней Суонс» вместо того фирменного – колючего, красного с белым.

– У нас с понедельника появится новая ученица, – рассказывал я, пока мы с Лекси вязали, не следя за временем. – Её зовут Джонс, и она раньше жила за городом. Я буду помогать ей осваиваться.

У неё один глаз искусственный из-за ретинобластомы. Это такой редкий вид рака, обычно возникает у детей до пяти. Один из ранних признаков называется лейкокория. То есть зрачок становится такой мутно-белый.

– Здорово, что тебя выбрали её наставником, Ави, – сказала Лекси. – Это ответственная работа. Значит, твоя учительница тебе доверяет. А откуда она? Ну, новенькая?

– Из Коттона, небольшого городка.

– О, мы же там были. Помнишь, заезжали по пути назад из нашего турпохода? Ты тогда ужасно орал, и мама с папой купили тебе мороженое, чтобы наконец успокоить. Хорошие были времена.

– Расписать тебе всю экскурсию, которую я проведу для Джонс? От самых значительных моментов до менее важных?

– Разумеется!

Глава седьмая

Джонс

Мы целую неделю выполняли дела по маминому громадному списку и обживались потихоньку на новом месте.

В воскресенье вечером, накануне первого учебного дня, я лежала в кровати без сна. Зубы у меня были очень чистые после визита к зубному, а униформа начальной школы «Оквуд» висела на плечиках, постиранная и поглаженная. Я скачала на телефон все нужные приложения, а мама заполнила все бумаги. Единственное, чего я ещё не знала, – это с кем буду сидеть в классе. С кем играть на обеденном перерыве. Сколько вопросов мне зададут про мой искусственный глаз. «Тебе больно?», «Можешь его вынуть?», «А из чего он?». К счастью, ответы я заготовила, и некоторые из них были довольно неожиданные.

Конечно, я не могу смотреть фильмы в 3D, равновесие держу неважно и звездой тенниса никогда не стану, но есть и положительные стороны:

1. Можно напугать кого-нибудь до ужаса, постучав по главному яблоку.
2. Легко не обращать внимания на тех, кто сидит слева.
3. Глаз можно крутить вверх-вниз.
4. У меня целая коллекция разных глаз.
5. Я часто верчу головой, чтобы всё рассмотреть, так что шея у меня очень гибкая.

Я лежала и слушала лязг поездов и пиканье светофора с пешеходного перехода. Уличный фонарь светил мне в лицо.

На ферме всё было по-другому.

До меня доносились звуки ночных животных – поссумов, коал, вомбатов и валлаби. За окнами было темно, как в погребке, и меня убаюкивала симфония лягушачьего кваканья, стрекотания насекомых, скрипа веток, на которых устраивались на ночь птицы.

Я включила свет и достала флешку из коробки с подписью «Джонс, детское». Вообще мне не полагалось глазеть в экран по ночам, но всё равно же не спалось. Я воткнула флешку в ноутбук и открыла папку с фотографиями. Жалко, что их больше не принято распечатывать на фотобумаге.

На одном кадре я, ещё совсем маленькая, с перевязанным глазом, сидела на больничной койке с капкейком в руке и широко улыбалась, вся измазанная в шоколадном креме. Наверное, это сняли после того, как мне удалили глаз. Операция прошла всего за пару дней до моего второго дня рождения.

Большинство фотографий из моего раннего детства сделаны в больницах. На некоторых у меня лысая голова, потому что из-за химиотерапии выпадали волосы.

Я об этом совсем ничего не помню, но, по маминым словам, врачи делали всё возможное, чтобы сохранить мой правый глаз. Рак был двусторонний и влиял на оба глаза.

От раковых клеток пытались избавиться и химиотерапией, и лучевой, и радиацией, и криотерапией (пробовали заморозить), и лазером. Я была очень болезненным ребёнком, и на лечение ушло несколько лет, но они всё-таки справились. Для меня эти врачи настоящие супергерои.

* * *

Утром мама причесала мне волосы и заплела в тугую косу с ярко-синей лентой в тон школьной форме. Кожу на голове покалывало, но я не стала жаловаться, потому что это был мой первый день в «Оаквуде», а родители считали, что очень важно произвести хорошее впечатление.

Вообще стиль у меня вовсе не аккуратный и прилизанный, а наоборот. Поэтому, после того как мама вышла из комнаты, я сняла ленту, резинку для волос и четыре невидимки и тряснула волосами, чтобы они свободно легли на плечи. А потом расстегнула верхние пуговицы на своей рубашке с длинными рукавами. Иначе дышать было невозможно. Ещё сняла колючий свитер и сунула его в рюкзак, а вместо школьных туфель обулась в кроссовки со шнурками, украшенными миниатюрными альпаками.

Мама смерила меня взглядом, когда я вошла на кухню.

– А где косичка и новые туфли?

– Это не в моём духе.

– Что ж, – признала она, – справедливо.

* * *

Папа остановился у «места поцелуев и прощаний», где родители высаживали детей перед школой. Наш пикап странно здесь смотрелся со своим буферным брусом, грязевыми щитками и грязными шинами с налипшей на них соломой. Из обычных, чистых машин выходили ученики с рюкзаками, папками, спортивным инвентарём и музыкальными инструментами и спешили на уроки. Половина учебного года уже прошла, и ощущение у меня было такое, будто я пытаюсь сесть на карусель, которую уже запустили.

В моей старой школе не отводили особый уголок для прощаний. И припарковаться было несложно. Обычно все стояли у ворот и болтали до первого звонка.

– Хорошего тебе дня, – пожелал папа.

За нами просигналила машина, и мама пробормотала себе под нос:

– Можете и подождать!

– А мне обязательно идти сегодня? – спросила я. – Может, вообще буду заниматься из дома? Во время пандемии у меня это неплохо получалось.

– Отличная идея, – согласился папа. – Нам с дядей Питом не помешает хороший подмастерье.

Сегодня мы чиним сломанный туалет. Такой забитый, вонючий. Вот думаю, из твоей лохматой шевелюры вышел бы первосортный ёршик.

Я прижала рюкзак к груди. Сердце вдруг заколотилось как бешеное. Я всю жизнь ходила только в государственную школу Коттона. Вдруг мне не удастся здесь освоиться? И со мной никто даже говорить не станет?

– Пойдём, Джонс. Твоя учительница, мисс Финнеган, выбрала одного ученика из класса, чтобы он помог тебе освоиться в новой школе. Как там его звали? Вроде месяц какой-то... Апрель, май... Точно! Август! Наверное, он тебя уже ждёт.

За нами снова раздался гудок, на этот раз более затяжной и менее вежливый.

– Пора шевелиться, пока нас не оштрафовали за нарушение каких-нибудь правил, – сказал папа.

Я поцеловала его в колючую щёку и осторожно свесила ноги из машины. Мама взяла меня за руку, и мы вместе пошли ко входу. Здание тут было намного крупнее, чем у школы в Коттоне.

– Сначала идём в кабинет регистрации, потом в класс, – скомандовала мама. Прозвенел звонок, и мимо нас хлынул поток учеников.

Мама ласково стиснула мою руку.

– Всё будет хорошо. В первый день всегда непросто.

* * *

Рядом с кабинетом сидел мальчишка, на вид мой ровесник, и читал книжку.

– Август? – позвала мама.

Ей пришлось ещё дважды повторить его имя, прежде чем он встрепенулся и вскочил на ноги. Книга ударилась о пол с громким стуком.

– Ой, извините! Привет! Это я, Август Гентинг.

– Очень приятно, – ответила мама. – Я миссис Кёрби, а это Джонс.

– Меня к вам отправила моя учительница, мисс Финнеган. Я провожу Джонс на урок.

Мальчишка не уступал мне ростом, а для своего возраста я была довольно высокая. И волосы у него походили на мои: каштановые, вьющиеся, относительно длинные. Меня немного удивило, почему Август так нервничает. Это же я здесь новенькая, а не он.

Мы сели рядом, а мама отошла поговорить с регистратором. Между нами повисла тишина, но я не знала, что сказать. Мимо проходили учителя, и один ученик постарше забежал в кабинет, чтобы заполнить бумажку об опоздании.

– Почему учебники математики такие грустные? – неожиданно спросил Август.

Я наморщила лоб.

– Не знаю.

– В них слишком много *нерешённых задачек*.

– Дурацкая шутка, – честно сказала я, и он ответил:

– Знаю.

Август болтал ногами и в один момент нечаянно толкнул стеклянный журнальный столик, обрушив стопку школьных журналов. Регистратор бросила на него осуждающий взгляд.

– Почему тебя зовут Джонс?

Меня часто об этом спрашивали. Имя необычное для девчонки.

– Это была мамина фамилия. До того, как она вышла за папу.

– А, ясно. Кстати, можно спросить, какой глаз у тебя искусственный? – спросил Август, складывая журналы обратно в стопку.

Обычно меня спрашивали про глаз в первые же минут пять разговора. Порой я жалела, что не потеряла какую-нибудь менее заметную часть тела. Скажем, мизинец на ноге. А не то, что у меня прямо на лице.

– Левый. Врачи это называют «глазной протез».

Август сощурился.

– Выглядит как настоящий. Из чего он?

– Из органического стекла. Его покрасили вручную, а сосуды изобразили из очень-очень тонких нитей.

Август кивнул и подался ближе. Сложно было сказать, что он чувствует – восторг или омерзение. По моему опыту искусственный глаз вызывал либо одно, либо другое.

– Его можно вынуть?

– Да, но мне редко приходится это делать. Я с ним и сплю, и плаваю, всё такое.

– Он как шарик?

– Нет, он полый внутри и покрывает орбитальный имплантант, который занимает место настоящего глазного яблока. Мне делают новые протезы по мере того, как растёт глазница.

– Круто! И много их у тебя было?

– Очень. Я все сохранила.

– А в Коттоне ты жила на ферме?

– Ага. У нас была своя запруда, отара овец, курятник и две альпаки.

– Ты знала, что альпаки – самые маленькие представители семейства верблюдовых? И они общаются друг с другом невербальными сигналами?

– Нет, не знала.

Мама подошла к нам и улыбнулась.

– Мы закончили. Готова встретиться со своими новыми одноклассниками, Джонс?

Мне было уже не так страшно идти в класс, потому что со мной был Август. Пожалуй, первый день в новой школе будет всё-таки неплохой.

– Да, пойдём.

– Зайти вместе с тобой? – спросила мама, когда мы остановились у двери.

– А можно?

– Конечно.

В моём возрасте уже следовало бы справиться одной, но я пока не готова была отпустить маму. Все смотрели на меня как на инопланетянина с тремя головами, на которых покачивались зелёные антенны. Я крепче сжала мамину руку, слушая, как мисс Финнеган представляет меня классу.

– При-и-иве-е-е-т, Джонс, – нараспев произнесли ученики.

На ферме я бы встала на заре, чтобы покормить кур и проведать Лулу и Лолу на пастбище. Папа развёл бы огонь в камине, подбрасывая туда дрова, и мы с ним позавтракали бы сдобными лепёшками с мёдом. Я бы приехала в школу на велосипеде и ещё успела бы поиграть с друзьями в мяч до звонка.

– Всё в порядке? – прошептала мама.

– Да. Теперь можешь идти.

– Не могу. Ты ещё держишь меня за руку.

– Ой. Извини.

Я её отпустила, и мама наклонилась меня обнять. Её слёзы намочили мне щёку. Наверное, я бы тоже расплакалась, если бы она задержалась ещё на минуту. А такое первое впечатление было бы не из лучших. Я хочу казаться храброй и сильной. Обычно я такая и есть. Только не сегодня.

Мисс Финнеган вышла вслед за мамой, поговорить с ней в коридоре. Я видела в стеклянное окошко на двери, как они смеются и улыбаются друг другу. Похоже, маме понравилась моя учительница. Да и мне тоже. У неё яркое платье с узорами и розовые серьги-кольца. Волосы седые, но с выкрашенными в сиреневый прядями. А из-под рукава виднеется татуировка – чёрное перо.

В классе сразу все заговорили, как только мисс Финнеган вышла. Какой-то мальчишка запустил бумажным самолётиком в лоб Августа. А тот даже не рассердился, молча смял бумагу и выбросил в мусорку. Будто для него это обычное дело.

– Джонс! Садись со мной! – крикнула девчонка с длинным рыжим хвостиком.

– Какой глаз у тебя фальшивый? – спросил мальчишка, который бросил самолётик.

– Он болит? – спросил его приятель.

Мисс Финнеган вернулась в класс и хлопнула в ладоши. Все тут же затихли и захлопали в ритм.

– Господи, пятый «Е»! Меня не было всего минуту, а вы уже устроили тут зоопарк. Август! Покажи Джонс, где её шкафчик, и проведи экскурсию по классу. Остальные пока займутся ВОЧ.

– Что это значит? – шепнула я Августу.

– «Всё Отложили и Читаем». Моё любимое занятие в школе.

– Моё тоже.

Мы пошли мимо интерактивной доски и письменного стола мисс Фэ (так её все называли для краткости). Там царил беспорядок, а на её ноутбуке красовалась наклейка со смешным человечком. В дальнем конце класса был обустроен уголок для чтения с двумя книжными шкафами и пушистым синим ковром в звёздах. На некоторых полках стояли белые папки, подписанные разными именами: Джордж, Тео, Ария, Ли Пинь, Миллер... Я быстро нашла своё: ДЖОНС КЁРБИ. Август достал мою папку и пролистал.

– Это твоя папка и рабочая тетрадь.

Я в ужасе смотрела на пустые страницы. У других папки чуть не лопались от рисунков, бумажек с рассказами, задачек по математике. Разве я успею их нагнать? Интересно, чем сейчас занимаются мои бывшие одноклассники? Им меня не хватает? Я нацарапала своё имя на обратной стороне столешницы моей старой парты и сказала об этом Тейлор с Ханной, чтобы они его нашли. Мне хотелось, чтобы там навсегда осталась частичка моей души.

Я заметила уютное кресло, чуть в стороне, рядом с лампой для чтения. Было бы здорово устроиться в нём и провести там весь день до конца уроков. В школе в Коттоне все давно ко мне привыкли и относились как к обычному человеку. А здесь я была в центре внимания, и это немного утомляло.

– Это кресло уединения, – сказал Август.

– Туда отправляют тех, кто плохо себя ведёт?

– Нет. Тех, кто хочет побыть один. Я часто там сижу.

Все читали, и тишину только изредка нарушали громкие смешки двух приятелей, которые вместе сидели над книгой, соприкасаясь головами.

– *ДжорджиТео*, не отвлекайтесь, пожалуйста, – попросила мисс Фэ. – Так, ну хватит. Пора вам разделиться. Джордж, вставай.

Джордж вздохнул и побрёл по классу искать себе другое место.

Всего в классе было четыре стола, по шесть ребят за каждым. Вместе со мной в классе насчиталось двадцать пять учеников. В моей старой школе нас было всего четырнадцать. Я не привыкла к таким большим, шумным компаниям и боялась, что не смогу сосредоточиться на учёбе.

– Мы сидим здесь, – сказал Август. – Этот стол ближе к доске, так что тебе будет лучше видно. Вот твой стул.

Я взяла книжку и слегка наклонила, чтобы посмотреть на страницу правым глазом. Мне всегда нравилось читать, но в последнее время буквы смазывались, расплывались, и я разбирала их с трудом. А от этого у меня начинала болеть голова. Я осмотрелась, гадая, сколько времени у меня уйдёт на то, чтобы здесь освоиться. Может, это место никогда не станет мне родным. Какие-то ребята шептались за соседним столом – обсуждали мои глаза и спорили, какой из них искусственный.

– Левый, потому что он как застывший, – говорила одна девочка.

– Такое чувство, будто у неё косоглазие, – сказал её сосед и скорчил рожу.

Я уткнулась носом в книжку. Мне уже не терпелось вернуться домой и устроиться на диване в обнимку с Ринго.

Глава восьмая

Август

Джонс Кёрби – классная во всех отношениях. На рюкзаке у неё карабины для скалолазания, а в кроссовках розовые шнурки с узором из миниатюрных альпак. Она рисует забавные каракули в своей рабочей тетради и всегда выдерживает паузу, прежде чем что-то сказать, как будто хочет подобрать идеальный ответ.

После урока все её окружили и стали расспрашивать о том, почему она ушла из прошлой школы.

– Тебя исключили? – предположил Миллер.

– Нет, ты что! – воскликнула Джонс.

Тео попросил её вынуть глаз и показать ему, как он выглядит с другой стороны. Ли Пинь сказала, что настоящее глазное яблоко скользкое, и ей было интересно, протез такой же или нет.

Джонс на всё отвечала, но ей явно становилось немного неуютно.

Я начал переживать, что все уж слишком на неё наседают. У меня такое бывает, и в груди от этого всё сжимается. И сейчас меня оттеснили назад, так что к Джонс было даже не протолкнуться. Впрочем, ей, наверное, уже и не нужен был назначенный учительницей помощник вроде меня. Я поплёлся к выходу, но тут она меня окликнула:

– Подожди! Август!

Я обернулся и увидел, что ей удалось вырваться из толпы.

– Разве ты не обещал всё мне тут показать?

– Да, но теперь все хотят с тобой общаться.

– Это просто потому, что я здесь новенькая. А мне хочется общаться с тобой.

Я улыбнулся и расправил плечи. Может, мисс Фэ всё-таки не зря меня выбрала.

– Куда сначала? В библиотеку? На игровую площадку? В буфет?

– На площадку, – решила Джонс.

– Как, не в библиотеку?

По-моему, это было лучшее место в нашей школе. Мы могли бы завалиться на кресла-мешки и почитать что-нибудь вместе.

– А на площадке есть лазалки? – уточнила Джонс.

– Да.

– Тогда точно на площадку.

– Ладно. Нам сюда.

Пока мы шли, я показывал на всё интересное: фонтанчики для питья, медкабинет, небольшой огородик, спортзал и театральный зал.

– Ваша школа просто огромная, – сказала Джонс. – В моей было всего сто пятьдесят человек.

– У нас восемьсот пятьдесят.

На площадке было очень оживлённо. Джонс разулась, сняла носки и побежала к большой лазалке.

– Ты не идёшь?

– Нет, спасибо. Я здесь подожду.

Я немного боялся высоты, и мне не нравилось всё, от чего кружилась голова. Даже на качелях меня укачивало.

Джонс залезла наверх, как обезьянка, легко встала в полный рост на узкой платформе и подняла руки к небу, не теряя равновесия. Сердце у меня тревожно заколотилось, как будто это я там стоял. Как можно быть такой бесстрашной?

У нас на площадке резиновое покрытие, на которое не больно падать, но я всё равно переживал, как бы Джонс не упала. Поэтому на всякий случай подошёл ближе и вытянул руки. Мне вряд ли хватило бы сил её поймать, но можно было хотя бы смягчить падение. А то как бы я объяснил мисс Фэ, почему новенькая, ответственность за которую лежит на мне, сломала руку в первый же день?

– Может, не надо там стоять? Как-то это опасно! – крикнул я.

Она села на корточки и одарила меня улыбкой, широкой, как щедрая долька арбуза.

– Забирайся, Август! Отсюда видно океан!

Миллер подошёл к нам и посмотрел, как Джонс снова встаёт и вытягивает шею, разглядывая гавань за портовыми складами. А потом она сунула ноги под перекладину и покачнулась назад-вперёд, как цирковая артистка.

– Разве новенькой не стоит быть осторожнее? – спросил Миллер. – С фальшивым-то глазом?

– Это глазной протез, и её зовут Джонс, а не «новенькая», – ответил я.

– Ну, знаешь. То, что мисс Фэ выбрала тебя с ней нянчиться всю неделю, ещё не значит, что вы друзья.

С этими словами Миллер ушёл на поиски более интересных собеседников.

Тут с неба упало что-то маленькое и круглое. Я растерялся и не успел его поймать. А потом опустил взгляд и увидел, что с земли на меня смотрит искусственный глаз. Наверное, он выпал! Я поспешно накрыл его ладонью, чтобы больше никто не заметил.

– Джонс! Ты тут кое-что потеряла!

– Иду!

Она быстро спустилась, и я передал ей протез.

– Отведёшь меня в медпункт? Мне надо его помыть и вставить обратно.

Я молча кивнул, всё ещё потрясённый произошедшим.

Джонс рассмеялась.

– Видел бы ты, как у тебя лицо вытянулось! Неужели раньше не доводилось глаза ловить?

* * *

Джонс промыла глаз и вставила его обратно. После этого мы купили обед в школьном буфете. Я выбрал тост с ветчиной, сыром и помидором, а она – сэндвич с мёдом и сливочным маслом. И ещё мы взяли по небольшому маффину с шоколадными каплями.

– Как ты можешь это есть? – спросила Джонс, когда я надкусил тёплый кружок помидора и блаженно прикрыл глаза. – Это же самый мерзкий овощ из всех!

– Вообще-то у помидора есть семена, и плоды развиваются из цветков, а значит, с ботанической точки зрения это фрукт.

– О...

– Научное название помидора – *Solanum lycopersicum*, что в переводе означает «волчий персик». Он принадлежит тому же семейству, что и белена, поэтому его долгое время считали ядовитым и боялись употреблять в пищу.

– Волчий персик? Вот как.

Обычно я не разбрасываюсь фактами в школе, чтобы Джордж с Тео не обзывали меня занудой, но Джонс можно было доверять. Я даже ей признался, что учусь вязать.

– У нас на ферме росли волчьи персики, – сказала она. – А ещё капуста, шпинат, земляника, малина, базилик, лемонграсс...

– Ты скучаешь по ферме?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.